К.У. ТОРЛАНБАЕВА

СВИДЕТЕЛЬСТВА О РАСПРОСТРАНЕНИИ МАНИХЕЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Для исследования вопроса религии в средневековой истории Центральной Азии в 2007 г. мной была изучена проблема письменных и археологических источников, свидетельствующих о распространении манихейства в Центральной Азии, а также историография изучения манихейства.

Наиболее интенсивная работа была предпринята в ходе посещения городища Каялык (Талдыкорганская область, около г. Сарканд), где уже на протяжении многих лет археологами Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан ведутся раскопки комплекса археологических памятников городища и близлежащих территорий. Важным составляющим городища являются раскопки храмовых сооружений, определяемых археологами как манихейские и мусульманские, относящиеся примерно к X – XIII вв. (Железняков, 2005; Бапаков, Железняков, 2005 и др.). Городище Каялык относятся ко времени Карлукского каганата, расположенное в Илийской долине Республики Казахстан, через древний Каялык проходил караванный путь в Китай. В период монгольского завоевания Каялык подвергся уничтожению, свидетельства пожара, полыхавшего в это время, обнаружено в ходе раскопок. Одной из главных проблем, с которой сталкиваются археологи Казахстана, является повышенная влажность воздуха, быстро зарастают травой археологические объекты.

В сентябре-октябре 2007 г. также состоялась экспедиция по древним городам Восточного Туркестана (КНР СУАР). В ходе этой экспедиции были изучена манихейская настенная живопись имеющиеся в коллекции Урумчинского музея. К сожалению, она очень малочисленна из-за того, что в XIX – нач. XX вв. была вывезена немецкой, английской, французской, русской и другими экспедициями за пределы Китая и в настоящее время храниться в Берлинском музее, Британском музее и Эрмитаже. Уникальные климатические условия Турфанского оазиса повышенной сухости позволили сохранить настенную живопись в Бизиклике, в основном здесь сохранилась буддийская настенная живопись.

Именно экспедиции кон. XIX – нач. XX вв. в Восточный Туркестан обнаружили комплекс манихейских письменных источников. Это находки в Турфанском оазисе – множество больших и малых фрагментов манихейских книг, некоторая часть из которых составляют надписи к настенной живописи. Манихейские тексты написаны на среднеперсидском, парфянском, уйгурском (тюркском), согдийском, китайском, бактрийском языках, датируются 6-8 вв., однако их оригиналы относятся к более раннему времени. Позднее были обнаружены несколько коптских манихейских текстов, написанных на субахмимском диалекте коптского языка и происходящих из района Мединат Мади (Египет). Коптские документы датируются 4-5 вв. Имеется «Кёльнский кодекс» - большой манихейский текст на греческом языке (Литвинский, Смагина, 1992, с. 508. 518-521).

До находок в Восточном Туркестане о манихействе свидетельствовали две группы источников. Во-первых, многочисленные изложения манихейской доктрины отцами западной и восточной христианской церкви на греческом, латинском, сирийском, армянском языках (начиная с 3 в.). Во-вторых, свидетельства мусульманских и китайских авторов о Мани и его учении, странах, где было распространено манихейство. Этот список свидетельств о манихействе расширяется при изучении тюркских рунических надписей, а также археологических находок на территории Центральной Азии. Считается, что Мани принадлежат семь книг учения на восточноарамейском языке, только «Шапуракан» является единственным сочинением, написанным на среднеперсидском. Благодаря письменным свидетельствам, мы узнаем о сущности учения Света.

Манихейство – синкретическое религиозное учение, получившее название по имени своего основателя Мани. Возникновение манихейства относится к III в. и связано с Междуречьем Евфрата и Тигра. В этот период на древней земле Месопотамии сомкнулись политические интересы двух крупнейших держав Римской империи и

Сасанидского Ирана. Вавилония была под властью шаханшаха земель Фарса (Персиды). Именно сюда еще в 200 г. из Хамадана (Мидии) переехала семья парфянского князя аршакидского происхождения Патика.

Среди правящей верхушки, также как и народа, были распространены многочисленные формы иранской «народной религии»: поклонение великим божествам Митре и Анахите, астральным божествам, зороастризм, зерванизм, существовали многочисленные секты магов. В вавилонских землях наряду с местными древними культами вавилонскими, иранскими, сирийскими были распространены иудаизм, христианство, баптистские сеты. Сам Патик принадлежал мандийской (элхасаитской) общине, проповедавшей гносиологические и аскетические принципы, куда он и привел своего сына Мани в четырехлетнем возрасте. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет к нему пришло первое откровение от «царя светлого рая» (Высшего благого Существа). Мани было сказано: «Оставь эту общину! Ты не принадлежишь к ее приверженцам. Твое дело – выправить обычаи и обуздать наслаждения. Однако из-за твоих малых лет для Тебя еще не пришло время выступить открыто» (Виденгрен, с. 47). Постепенно Мани отходит от общины своего отца и посвящает время изучению и осмыслению религиозной литературы различных направлений. Так проходит подготовительный, мандийский период, становления будущего пророка. Еще через двенадцать лет к Мани пришло второе откровение, которое разрешало ему выступить с открытой проповедью. В первом публичном выступлении Мани говорил о существовании абсолютного и божественного Света, он выступил с критикой обычаев и законов общины, утверждал, что всякая плоть есть скверна и поэтому омовения не очищают тело. Верхушка общину враждебно встретила новоявленного пророка, и Мани оставалось только покинуть общину, но он приобрел и своих первых учеников – отца и двух юношей Симеона и Абизахию. Именно с ними он, посланник Света, направляется в Индию, а вернее в ее иранские провинции Туран и Мукран (совр. территория Пакистана). В этих землях было сильное парфянсакое влияние, а среди населения еще со времен юэчжийско-сакской династии был распространен буддизм. Буддизм произвел на Мани глубокое впечатление, что впоследствии он заимствует в буддизме его организацию и методы проповедования вероучения. В Индии его приверженцем стал брат будущего знаменитого царя Ирана Шапура Пероз. Вернувшись через год в Иран, Мани принял участие в коронации Шапура и преподнес ему первое из своих сочинений «Шапуракан» (Книга Шапура). В результате царь разрешил ему проповедовать свое учение по всему государству. Мани провел несколько лет своей жизни при дворе Шапура, принадлежал к царской свите и сопровождал его в походах на запад. Вероятно, походы на запад послужили причиной распространения манихейства в Римской Империи, здесь оно превратилось в христианскую ересь, и существуют христианские манихейские тексты о богословных спорах между христианами и манихеями (Акты Архелая, с. 172-180).

В самом же Иране распространение учения Света, несмотря на близость Мани к царскому двору, сдерживалось из-за противодействия зороастрийских священников. Именно в этот период, еще при царствовании Шапура, они ответили на проповеди Мани составлением Авесты – систематизацией и записью священных преданий, ставших de facto не только народной, но и государственной религией Ирана. Поэтому ареной проповеднической деятельности Мани и его ближайших учеников и последователей стали, главным образом, другие страны. Уже тогда учение Света достигло Сирии, Палестины, Египта, Малой Азии. Из Египта манихейство распространилось в Северную Африку и Испанию, из Сирии через Малую Азию в Грецию, Иллирию. Проповедь самого Мани слышали в Индии и Кашгаре. Его ученик мар Аммо обращал в новую веру жителей Абаршахра (Нишапура), Мерва, при нем Хорасан становится основным центром манихейской церкви и базой для распространения манихейства на восток, в княжества Восточного Туркестана, в страну тюрков и Китай. Мар Аммо побывал в долине Окса (Амударьи), где основал манихейскую общину. В тот период самым эффективным способом распространения религиозных учений были торговые караваны, и манихейцы часто бывали купцами. Именно этот колонизационный аспект манихейского миссионерства подразумевался, очевидно, в предписании Мани, отданным одному из известных проповедников Аддаю: «Не уноси их (проповеди) дальше, но

Қазақстан Республикасы

оставайся там (т.е. в тех землях, где распространяешь учение) как купец, который открывает сокровище!». Так почти на всем протяжении Великого Шелкового пути возникли «стационарные базы» манихейской проповеди.

Манихейское учение базировалось на трех неизменных составляющих: учении о дуализме, космогоническом мифе и учении о душе. Согласно манихейскому вероучению, мир изначально состоял из двух основ Света и Мрака, которые находились совершенно изолированно друг от друга. Однако из-за зависти и злобы силы Мрака затеяли войну против Света Живого. Пять стихий-воинов (тюрк. oγlan) Света (бог лёгкого ветра tintura tengri, бог ветра живого yel tengri, бог света живого yaruq tengri, бог воды suv tengri, бог огня ot tengri) под предводительством светоносного Первочеловека вступили в битву со стихиями-антиподобиями (Кефалайа, 30, стк. 25-36).

Частицы Света и Мрака смешались, и был образован материальный мир Смешения – это мир человеческого общества. Поэтому сущность человека воспринимается состоящей из материального и духовного, темного и светлого, доброго и злого. Первостепенная задача сил Света заключается в осуществлении изначального разделения частиц Света и Мрака, тогда как воины Мрака стремятся не допустить этого, сохранить мир Смешения как область своего завоевания. Таким образом, согласно манихейству в человеческом обществе силы Света и Мрака ведут непрерывную борьбу за обладание светлыми частицами души человеческой. Земной мир был создан для того, чтобы спасти частицы света, похищенные силами тьмы и заключенные в душе человека. В «Акты Архелая» сущность души заключается в интеллектуальных качествах человека. «Название же души следующее: разум, размышление, рассудок, мудрость, интеллект, смысл» (Акты Архелая, с. 173).

В манихействе был очень развит астральный культ основных светил – Солнца и Луны – кораблей, созданных для спасения частиц Света. На пути спасения частиц света первым кораблем была Луна. «Когда же он (Свет – Т.К.) создал для спасения душ машину с двенадцатью сосудами, которая, обращаясь, подымает вверх души умерших. И взяв их лучами, великое светило очищает их и передает луне и, таким образом, наполняется круг луны» (Акты Архелая, с. 173). Так разворачиваются элементы космогонического мифа, несложно объясняются фазы луны. Одновременно эти представления тесно связываются с учением о душе. На Луне происходит окончательное очищение души живой, которая затем в качественно возрожденном состоянии через Солнце поднимается к Свету. Солнцу и Луне поклонялись как идолам в виде антропоморфных изваяний. По этому поводу Абу Рейхан Бируни говорил, что к идолопоклонству «склоняется и Мани, когда говорит: «Люди /других/ религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо они не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия» (Бируни, 1963, с. 479).

Согласно учению Мани, в мире всегда существовала одна истина – Свет, которую локально возвещали три великих апостола – Будда на востоке, Заратуштра в Иране, Иисус Христос на западе. В локальности этих вероучений заключалась их недостаточность и ущербность. Свет же истины, несомый Мани, абсолютен, целостен, ничем не затемнен, совершенен и пространственно универсален. С позиции новой доктрины в манихейском вероучении присутствует все рациональное и приемлемое из названных религий, учитывается существование наиболее значимых местных культов, которые вводились в манихейские религиозные сюжеты. Поэтому куда бы не приводила миссионерская проповедь манихеев, везде она в своих целях ориентировалось на местные верования и культы, манихейство стремилось приспособиться к формально господствующей там религии, при этом оставляя незыблемой концепцию своего учения.

Интенсивная миссионерская деятельность Мани была прервана после смерти Шапура в 273 г. и весьма недолгого правления его наследника Ормузда I (ум. 274 г.), когда на иранский престол воссел Бахрам I. По приказу нового шахиншаха, подстрекаемого зороастрийскими священниками, учение Мани было признано порочным, а его пророк оказался в заключении. По некоторым сообщениям Мани умер от истощения и бичевания, по другим – с него живым содрали кожу и тело повесили на всеобщее обозрение.

В результате жесточайшего остракизма. на родине последовало бегство, манихеев из Саса-

нидского Ирана, что еще более усилило фильстрацию манихейства в ближайшие и отдаленные страны. Известно, что манихейская религия заняла прочные позиции в Согде, поэтому именно согдийские купцы на протяжении длительного времени были глашатаями и проповедниками этого вероучения среди тюрков. О принятии манихейства уйгурами при Бёгю-кагане говорится в китайской версии Карабалгасунской надписи: «Жуй-си и других – всего четырех монахов, / Бёгю/ привез в свое государство. Они распространяли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона Мани сокровенно достигли святых ворот, овладели семью разделами. Их таланты превосходили моря и горы. Их красноречие было подобно падающей с небес реке. Поэтому они смогли открыть уйгурам праведное учение. /Они/ отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. Этим они установили большие заслуги. Тогда /им/ сказали: «Вы соединили всю возможную благость». В это время тутуки, чигши, внутренние и внешние министры, сыма – все доложили: «Ныне раскаиваемся в прежних грехах, почтительно служим праведному учению. Принимаем указ и объявляем /его/» ... и приняли учение света» (Камалов, 2001, с. 195).

В 758 г. уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану удалось разбить енисейских кыргызов, манихейство укоренилось на среднем Енисее о чем свидетельствуют многие надписи на камне и архитектура храмов с астральными сюжетами манихейской доктрины. Более того, манихейство приобрело у кыргызов государственный статус, а кыргызский каган в китайских текстах назывался каганом Света (Зуев, 2002, с. 250, 255). Применительно к времени после арабского завоевания и сопутствовавшего ему внедрения ислама в завоеванных странах Абу Рейхан Бируни писал тысячу лет назад: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же касается всемусульманского [мира], то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии» (Бируни, 1957, т. I, с. 213).

На территории Западно-тюркского каганата манихейство стало распространяться в одном из важнейших ремесленно-торговых центров тюрков и согдийцев древнем Таласе. Талас был той страной, которую источники того времени называют Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш. Сведения об этом содержатся в тюрко-манихейской «Священной книге двух основ» (Iki yiltiz nom). Фрагменты этой «Книги» были обнаружены экспедицией А. фон Лекока в 1907 году в селении Караходжо (Турфанский оазис). Она была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел» (Кляшторный, 1964, с. 131). «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, 1977, с. 552). Ее составление относится к первой четверти VIII века. Одним из тех, кто пользовался учением Света, был Арслан Менгю. В стране Аргу были установлены четыре манихейских храма в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йигян-кенте. Поэтому у наследников западных тюрков тюргешей, ополчившихся против завоевателей арабов имелись не только политические и экономические, но религиозные мотивы. Сменившие власть тюргешских каганов карлуки также оказывали сопротивление носителям ислама, и хотя в этот период арабское влияние распространилось на такие тюркские города как Тараз (арабоизированное название Талас), Фараб, Испиджаб, они оставались наиболее беспокойными владениями арабов. Мы можем говорить о существовании тюркского манихейства, который имел глубокие корни и органично вплелся в общую дуалистическую концепцию тюркского мировоззрения.

Следующее упоминание об Аргу относится к караханидскому периоду истории Казахстана и отмечено в замечательном труде Махмуда Кашгарского (XI в.). Именно в стране Аргу была возведена крепость Чигиль. Об этих событиях и местности Чигиль, находившемся на расстоянии «человеческого голоса от Таласа» (Волин, 1960, с. 81-82) Махмуд Кашгарский писал: «Когда Зул-Карнейн (Александр Македонский) дошел до страны Аргу, тучи пролили потоки воды, и дорога стала грязной, отчего его постигли большие затруднения. Он сказал по-персидски: «Ин чи гиль аст?» что значит: «Что это за грязь, мы никак не избавимся от нее?!». И приказал возвести здесь постройку. И была построена эта крепость, которая теперь называется Чигиль... По-

том те из тюрок, кто поселился в этой крепости, стали называться «чигиль». Позже это название распространилось… И назвали тех, кто одевался по-чигильски, т.е. всех тюрок, живущих от Джейхуна до Верхнего Китая, чигиль, и это ошибка» (МКМ, 1, с. 374).

За внешне обыденным рассказом об основании города и народной этимологией слова «чигиль» кроется указание на важное положение доктрины. В манихействе грязь – это материальный элемент (в том числе, человеческая плоть) всякого творения в области смешения Света и Мрака. Стремление к «избавлению от грязи» подразумевает освобождение души Живой из уз Материи, от грязи, оскверняющей чистоту Света. Постоянное очищение от грязи Материи и Мрака составляет содержание всего процесса вознесения души к царству Света, который в других текстах назван Йол-Тенгри (Зуев, 2004, с. 3-5). В другом также манихейском по содержанию рассказе Махмуда о Черном предводителе Шу говорилось, что у него был «отряд» из сорока юношей-«разведчиков». Число 40 по-персидски обозначалось словом čihil. Возможно, такого значение слова čigil и в тюркской среде. Чигильскую манеру одеваться, т.е. носить долгополую одежду (uzun tonluγ) по мнению Дж. П. Асмуссена было тюркским названием всех манихейцев (Asmussen, 1965, с. 219). В доказательство этому следует вспомнить слова юношей – манихеев из покаянной молитвы «Хуастуанифт» «Так как мы в прежнем существовании и в этом / своем/ существовании, будучи сами молодыми людьми в длиннополых одеждах (uzun tonluγ), сколько мы ошибались и грешили…» (стк. 111-112):.

Не менее красноречиво говорит о существовании манихейства сам термин «Аргу», часто присутствующий в манихейских текстах. Прилагательное «аргу» (arγu) этимологизируется на основе тохарского языка (тох. А ārki, тох Б arkwi; отсюда тюрк. arquj, arqun, arxon) со значениями «белый», «серебряный», «чистый». В китайских летописях это слово воспроизводилось в значении «белый». Это следует из случая калькирования этого понятия, приведённого в труде Н.Я. Бичурина: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу)… китайцы называют их Белыми горами Бай-шань» (Бичурин, 1998, т. III, с. 44). Это тохарское заимствование омонимично тюркскому arγu/arqu «ущелье», поэтому название «страна Аргу» воспринималось исследователями как «страна с долинами между гор» или «страна, изрезанная ущельями» (МКМ, I, с. 127, IV, с. 31). Между тем такое его понимание едва ли применимо к манихейскому Аргу-Таласу или к манихейским чистым земле и небу в выражении «аргунские земля и небо (arqun yir tengri) почему потом исчезнут?» (Хуастуанифт, стк.136-137). Белый (~чистый, светлый) – основной цвет манихейства и его элементов: Белый отец, белый принц, белое племя, белое одеяние, белое облако, белый лотос и подобное, также как и Белый (~чистый, светлый) Талас. «Рассказывают, – говорится в манихейской «Книге притч», – что Белый отец, выбрав в трёх мирах своих противников (по вере?), принудил их к покаянию и молитве...». По этому поводу С.Г. Кляшторный пишет: «Белый отец – не что иное, как ariγ dintar «чистый священнослужитель» манихейской общины» (Кляшторный, 1991, с. 130). Страной учения Света (кит. Мин-цзяо) и была страна Аргу, расположенная на землях «от Баласагуна до Испиджаба» или «от Баласагуна до Тараза».

В прижизненной надписи Тоньюкука, знаменитого советника трех каганов восточных тюрков, употреблено слово аргу в форме Аркуй. Речь идет о страже Аркуй (тюрк. Arquy qaraγu), которую возвысил Тоньюкук: «Я и в разведку посылал на дальние расстояния, Белую стражу (Arquy qaraγu) я возвысил, я знал о приближении угрожавших нам врагов» (Тон. 53). Согласно учению, стражи Света были поставлены на границах Света и Мрака, это пять воинов-тенгри Первого человека (Кефалайа, 30. 25-36\. Стража Аркуй в надписи Тоньюкука отражает манихейский образ страны Света Аргу. Образ стражи Аркуй напоминает образ славных воинов, в стране которых, Аргу-Таласе, была закончена работа над колофоном «Священной книги двух основ». Именно отсюда среднеазиатское манихейство получило свое распространение в землях восточных тюрков, и затем было принято в качестве официальной религии в Уйгурском каганате. Помимо фрагментов письменных источников о существовании манихейства и его отношения к Аргу-Таласу, и сообщений из «Словаря» Махмуда Кашгарского, имеется также ряд археологических находок в местности древнего Таласа (ныне этот город носит название Тараз, а в советский период был Джамбулом).

В 1957 году в Джамбуле в районе так называемого «Мучного рынка» в ходе строительных работ были вскрыты участки культурных слоев средневекового Таласа. Среди находок были обнаружены изящно изготовленные предметы, связанные с религиозными представлениями населения. Находки эти представлены крышками оссуариев с человеческими головками, отпечатками штампов на хумах с изображениями собак, козлов и львов, с луной и солнцем, обломки столиков (дастарханов) с богатыми растительными узорами, медальон с изображением женщины, на шее у которой ожерелье из круглых бус, в нижней части скрепленное миниатюрной подделкой в форме лунного серпа и другие предметы (Сенигова, 1960, с. 97-101). Все эти предметы связаны с манихейским вероучением.

Во-первых, рассмотрим скульптуру льва. Образ льва и дракона фигурирует в «Кефалайа» и обозначает силы Тьмы, которые сражаются за обладание миром людей: «Царь Дыма, пришедший из глубины тёмной; он же вождь всего зла и всей злобы. От него пошли начало и замысел войны, а также все битвы, борения, опасности, сражения… Он начал воевать со Светом, затеял войну с царством возвышенным. Что до царя Мрака, то у него пять форм: голова, как у льва..., туловище, как у дракона» (Кефалайа, 30, стк. 25-36). В отчете Валентина Меченосца, прибывшего из Константинополя в 576 году к западным тюркам через Талас говорится: «Посольство достигло того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей туркских, который приезжающим в эту страну попадается навстречу прежде других. Старейший же единодержец туркский называется Арсила». Этот византийский источник хронологически первое письменное упоминание области Талас и манихейского по содержанию имени-сана Арслан, носитель которого олицетворял собой средоточие духовной и светской власти. (Менандр, 1861, I, с. 370-375, 380, 416-422).

Лев не был известен в фауне Семиречья и большей части Центральной Азии. Северо-восточным пределом обитания персидского льва был Согд. Поэтому наиболее ранним его обозначением в тюркских языках было среднеперсидское sir/ser. Его собственно тюркское название арслан было вторичным, несмотря на сравнительно раннее (VI в.) его упоминание в письменных источниках. На первых порах они сосуществовали, как это имеет место и поныне. В «Изначальной черепахе императорской библиотеки» под 644 г. имеется первое китайское сообщение о карлуках, которые названы в источнике ши-гэ-лолу, т.е. sir-qarluq (Зуев, 2002, с. 215). Обозначение термина sir/ser встречается в тексте надписи Кюли-хору (стк. 21). В надписи говорится о трехлетней войне между тюрками и карлуками (709-711 гг.). Предводитель карлуков носил титул sir/ser-irkin. Дж. Клоусон и Э. Трыярский отмечали, что термин «sir» может быть идентифицирован с центральным словом в тексте надписи Тоньюкука «turk sir bodun» (Тон, 3, 11, 61) (Clauson, Tryjarski, с. 19). В одном из документов «Полного собрания документов династии Тан» сообщается, что асалань сыцзинь, т.е. Арслан-иркин добивался танского подданства. К монгольскому времени относится сообщение о карлукском предводителе Арслан-хане (Зуев, 2002, с. 215). Вероятно, что для карлуков титул арслан или шир был традиционным. Описанный Гильомом де Рубруком манихейский храм в столице карлуков Каялыке имеет прямое отношение к рассматриваемому образу льва и пониманию его именно как манихейского символа (Байпаков, Терновая, 2002, с. 33-35). Образование династии Караханидов связано с автохтонным населением Карлукского каганата, с племенами ягма, чигиль, тухси, карлук, аз. Власть в государстве была поделена между знатью двух племен – чигиль и ягма, которые составляли ядро карлуков. Имя-титул арслан долгое время сохраняется в титулатуре правителей этих государств.

Сам образ льва – достаточно распространенное явление в мифологии и преданиях. Согласно, исследованиям впервые его образ обосновывается и имеет изначальные корни в культе богини Наны. Культ богини Наны имеет ближнивосточное происхождение, он появляется во время существования третьей династии Ур, и ассоциируется с богиней Иштар. Образ воинственной богини Иштар является, по одной из версий, дочерью бога Луны Нанна и сестрой бога Солнца Уту (Шамаш). Представления о богине Иннана/Иштар переходят в государство Урук в северную Месопотамию, и является ключевым в древневавилонский период. В иконографии Центральной и Северной Азии образ богини Нана сопровождается изображениями льва Месопотамские корни льва значительно позднее вошли в манихей-

ство, были обоснованы и ясно ассоциированы с темными силами смешенного бытия человека (Madhuvanti Ghose, с. 97-98).

В тюркский период существование образа льва в иконографии, скульптуре и этнонимике является преемственностью идущей к конфедерации юэчжи, которые поклонялись лунным культам. Первые упоминания о юэчжи содержатся в китайских летописях во время существования империи сюнну, юэчжи были значительной составной частью империи, и война с ними служила для сюнну признаком возвышения, признания их власти кочевыми племенами. Сыма Цянь сообщает: «Округа Ляннчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуанчжоу, Шачжоу и другие – это земли государства Юэчжи». Поражение юэчжи от сюнну в 172-164 гг. до н.э. привело к миграции их значительной части в Среднюю Азию, а затем юэчжи завоевали Греко-Бактрии, расселились на территории Сырдарьи и Приаралья. В Греко-бакрийском искусстве образ богини Наны со львом вновь становится ведущим и узнаваемым, а знаменитый царь Канишка, помня о своем происхождении от лунных юэчжи, включает образ луны в свою титулатуру.

Следующий образ – это медальон с изображением женской головки. Шея свободна от одежды, на ней ожерелье, скрепленное в нижней части миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, обращенного концами вниз. Всё изображение снизу окаймлено большим лунным серпом. Сам же лук, равно как согнутый палец, ребро, образы которых у многих народов древности символизировали нарождающуюся луну (месяц). Мы уже говорили о важном значении Луны в манихействе. В одной из турфанских фресок сам Мани в окружении святых изображен в образе божества полнолуния. Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов – «мудрым знанием». Он был властелином, воскрешающим мёртвых. Он требовал покаяния: «В каждый день бога Луны (aj tengri), чтобы освободиться от грехов наших и пороков наших перед богом, писанием {nom) и перед чистыми священнослужителями, нужно было каяться» (Хуастуанифт, с. 183-185). Безусловно, что таласский медальон обозначал богиню Луны. В найденном талссском медальоне важна и наполнена глубоким смыслом каждая деталь. В их числе ожерелье на открытой шее богини. В персидской поэзии чистота и совершенство нередко сравнивались с россыпью драгоценного жемчужного ожерелья, посылающего дождь Плеяд. В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты Света, к достижению которой стремится душа праведника. Ввиду важности текста, приведём рассказ об этом, вложенный в уста Светоча по коптскому трактату. Каплевидные жемчужины «великой цены» происходят от капель дождя, падающих в море. Одеждой им служит скорлупа, напоминающая своим цветом прибрежную пену морской волны («а скорлупа бывает из пены»). Жемчуг созревает лишь в определённых местах моря и в назначенное время, известное ныряльщикам. «Ныряльщики знают его, - и они ловят их: плавают, ныряют в тех местах и выносят жемчужину вверх из глубины морской... Ныряльщики отдают их купцам, а купцы отдают царям и знатным людям. Такова, подобно этому, и святая церковь, собирающая от Души живой (т.е. пяти светлых стихий, сынов Первочеловека, связанных после Смешения тёмными стихиями в материальном мире): она собирается, возносится, поднимается из моря и помещается во плоти человеческой; плоть же человеческая подобна пене и скорлупе. А поднятая вверх добыча подобна капле дождя, тогда как Апостол (т.е. основатель истинной веры, эманация Разума света) подобен ныряльщику; купцы - это Светила небесные (Солнце и Луна), цари и знатные люди – это эоны Величия (т.е. бесчисленное множество светлых миров, населенных божествами). Ибо всем душам, которые восходят в плоть человеческую, а потом освобождаются и возносятся к великим зонам Света (т.е. в Рай)... Вы же, мои возлюбленные, должны всячески стремиться стать жемчужинами добрыми и достаться небу через Ныряльщика светлого. Он приведёт вас к старшине купцов» (Кефалайа, 204, стк. 1-20).

По свидетельству современников, Мани был выдающимся художником и, очевидно, в силу его художественных пристрастий живопись стала обязательным и отличительным атрибутом манихейства. Она играла не только эстетическую, но и наглядно воспитательную и большую пропагандистскую роль. Такова наполненная содержанием живопись манихейской галереи в Турфане. С этих же позиций можно рассмотреть таласскую живопись с растительным мотивом, сквозным в манихействе. Изображение креста

со стилизованными растительными символами в его створах на керамических плитках настенной облицовки в Таласе – это манихейский крест Света. Растения – это стихии Света, распятые и связанные в материальном мире.

Древний Талас на территории Казахстана являлся одним из центров распространения манихейства, о чем свидетельствуют письменные и археологические раскопки. Для понимания культурных и духовных основ тюркского средневековья необходимо помнить, что, распространяясь в различных странах, манихейство «одевалось» в одежды тех верований и религий, которые уже существовали среди народа. Поэтому перед исследователем возникает уникальная возможность наблюдать напластанное друг на друга многообразие синтеза и взаимодействия различных верований народов Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Архелая – Кац А.Л. Манихейство в Римской Империи по данным Acta Archelai. – Вестник древней истории, 1955, № 3.

2. Asmussen, 1965 – Asmussen J.P. Xuastuanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965.

3. *Байпаков, Терновая,* 2002 – Байпаков К.М. Терновая Г.А. Сведения о манихейском храме Каялыка. // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002.

4. *Байпаков, Железняков,* 2005 – Байпаков К.М., Железняков Б. О мусульманской культуре на средневековом городище Каялык. – Номад, № 2, 2005. С. 55-58.

5. *Бичурин,* 1998 – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III, Алматы, 1998.

6. *Бируни – Абу Рейхан Бируни.* Памятники минувших поколений. – Избранные произведения. Т. I, II, Ташкент, 1957, 1963.

7. *Волин,* 1960 – Волин С. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.8. Алма-Ата, 1960

8. *Виденгрен,* 2001 – Виденгрен Г. Мани и манихейство. СПб, 2001.

9. *Железняков,* 2005 – Железняков Б. Манихейский храм Каялыка. – Номад, № 7, 2005. С. 60-67.

10. *Зуев,* 2002 – Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы. 2002.

11. *Зуев,* 2004 – Зуев Ю.А. Манихейское святилище под Таразом // Известия МОН РК, 2004, № 4.

12. *Clauson,* Tryjarski, 1971 – Clauson G., Tryjarski Ed. The inscription at Ikhe Khushotu. - Rocznik Orientaliszn. T. 34, z. 1, 1971.

13. *Камалов,* 2001 – Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. Алматы, 2001.

14. «Кефалайа» – Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. М., 1998.

15. *Кляшторный,* 1964 – Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности как источник по истории Средней Азии. М., 1964

16. *Кляшторный,* 1991 – Кляшторный С.Г. Суджинская надпись - уникальный памятник эпохи «Кыргызского великодержавия» – Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991.

17. *Литвинский, Смагина,* 1992– Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. - Восточный Туркестан в древности и средневековье. М., 1992.

18. МКМ – Махмуд Кашгарий. Туркий сўзлар девони (Девони луготит турк). Т. I-III, Ташкент, 1960-1963.

19. *Менандр,* 1861 – Менандр. Продолжение истории Агафьевой. – Византийские историки. Пер. с греч. С. Дестуниса, Спб., 1861.

20. *Madhuvanti Ghose.* Nana: the Original Goddess on the Lion // Journal of Inner Asian Art and Archeology. N. 1, 2006.

21. *Сенигова,* 1960 – Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза – Известия АН КазССР. Серия металлургии, обогащения и огнеупоров. Вып. 3, Алма-Ата, 1960.

22. Тон – Надпись Тоньюкука. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности, М., Л., 1950.

23. *Henning,* 1977 – Henning. W.B. Argi and the «Tokharians». – Selected papers. Lieden, 1977.

24. *Хуастуанифт* – «Хуастуанифт». Введение, текст, перевод Л.Н. Дмитриевой – М., Л., 1963.

Резюме

Мақалада Орталық Азияда манихей дінінің таралуы мәселесі қарастырылады. Автор жазба және археологиялық деректердің негізінде манихейліктің Орталық Азияда таралғандығын тұжырымдайды. Ежелгі Талас пен Каялық жерлеріндегі жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері де манихейліктің Қазақстан жерінде кең таралғандығын куәландырады.

Зерттеуші бұл діннің негізгі ұстанымдары мен, оның байланыстары мен түсініктердің тұрақты формаларын ұсынады. Ортағасырлық Талас түркілік манихей дінінің орталығы болды деген тұжырым зерттеудің негізгі қорытындысы болып табылады.

Summary

In the article the author is investigated the question on spreading of Manichaeism in the Central Asia. The author on the basis of the written and archeologic certificates approves the idea that the Manichaeism has been spreading in the territory of the Central Asia. Archeological excavations in the territory of ancient Talas and Qayalyq also testify to spread Manichaeism in the territory of Kazakhstan.

The researcher gives the main principles of dogma, about its high degree syncretism and steady the forms of representations. The basic conclusion of the research is that medieval Talas was the center of Turkic Manichaeism.